

Научная статья

УДК 930+94

doi: 10.17223/19988613/79/17

Великая Французская революция в русской консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в.

Алексей Юрьевич Ковалев¹, Александр Викторович Юшников²

^{1, 2} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *akovalev1988@list.ru*

² *musaklio1980@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблеме освещения консервативными публицистами второй половины XIX – начала XX в. истории Великой Французской революции. Рассматривается опыт обращения к этой тематике консервативных публицистов эпохи «Великих реформ» Александра II, а также черносотенных публицистов начала XX в., выявляются основные сюжеты Великой Французской революции, актуальные для этих авторов, и анализируются их трактовки. Изучаются преемственность и различия в поднимаемых вопросах представителей разных этапов консервативного движения в дореволюционный период.

Ключевые слова: Великая Французская революция, консервативное движение, черная сотня, публицистика

Для цитирования: Ковалев А.Ю., Юшников А.В. Великая Французская революция в русской консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 138–143. doi: 10.17223/19988613/79/17

Original article

The Great French Revolution in Russian conservative journalism in the second part of the 19th – beginning of the 20th centuries

Alexey Y. Kovalev¹, Aleksandr V. Yushnikov²

^{1, 2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *akovalev1988@list.ru*

² *musaklio1980@gmail.com*

Abstract. The purpose of the study is to identify the possibility of continuity of the views of Russian conservative leaders of the era of Alexander II and conservative publicists of the period of social and political upheavals of the early 20th century on the history of the Great French Revolution. This choice is explained by the fact that turning to its history was an important part of their views and active journalistic activity, but at the same time, the experience of understanding the revolutionary events in France by representatives of the conservative camp of the second half of the 19th - early 20th centuries has not been sufficiently studied in historiography.

The sources of the article were the works of conservative publicists of the era of "Great Reforms" and the representatives of the conservative part of the social and political movement of the early XX century. Among the first are the works of V.I. Gerrier, E.M. Feoktistov and N.A. Lyubimov; among the second - the works of T.I. Butkevich, holy righteous Ioann Kronstadtski and N.D. Zhevakhov. The authors were selected for their publications, in which they devoted considerable attention to the analysis and evaluation of the events of the French Revolution.

The article discusses in detail the main problems related to the history of the Great French Revolution that the conservative leaders of the second half of the 19th - early 20th centuries were concerned about. The article considers what was particularly important for them in connection with this event, and analyses the conclusions they reached. In the process of research, the authors came to the conclusion that for all of them, one way or another, the appeal to the history of the revolution in France was only practical. First of all, they were interested in the experience of the Great French Revolution. What is more, they were treated mostly extremely negative about this experience in relation to Russian reality of that period. They tried in every way to prevent its implementation.

However, in the presence of common points, there are important differences in the works of conservatives from different periods of Russian history. The conservative leaders of the Alexander II era were firstly interested in the political aspect of the history of the French Revolution, so they focused on the issues of power and, making their generalizations, tried to warn against the reiteration of such scenarios of political development in Russian reality. In turn, the conservative publicists of the early 20th century, mainly of the "chernosotensky", in addition to political issues, paid great attention

to the issues of a religious part. For many of them, the revolution was associated with eschatological sentiments that made it not only a socio-political evil for them, but also a crime against God and his covenants. The authors consider the main difference between Russian conservatives of the early 20th century and conservatives of the middle and second half of the 19th century in their understanding of the history of the French Revolution.

Keywords: Great French Revolution, conservative movement, black hundred, journalism

For citation: Kovalev, A.Y., Yushnikov, A.V. (2022) The Great French Revolution in Russian conservative journalism in the second part of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 138–143. doi: 10.17223/19988613/79/17

Великая Французская революция – важнейшее событие истории Нового времени, она повлияла на последующее развитие всей западной цивилизации. Интерес к ней всегда был огромен не только в европейских странах, но и в ряде других государств, которые ориентировались в своем развитии на Западную Европу. Не стала исключением и Россия. Уже в XIX в. представители разных течений российской общественно-политической мысли – консерваторы, либералы, радикалы – обращались к ней, пытаясь найти в ее опыте ответы на мучившие их вопросы, а также аргументы в своей идеологической борьбе. Произошедшая во Франции в конце XVIII в. революция действительно давала большие возможности для осмысления, поскольку в ее ходе были опробованы разные стратегии развития, начиная с либеральных реформ и стремления установить конституционную монархию и заканчивая республиканским якобинским террором и даже попытками реализации более радикальных идей, которые представляли эбертисты и «бешеные».

Общественно-политические течения в том виде, в котором мы привыкли их видеть, зародились в России в XIX в., и мыслители, их представлявшие, с разной степенью активности обращались к событиям прошлого, в том числе и к Великой Французской революции, пытались осмыслить их в своих публицистических работах и примерить к собственным потребностям. В этой связи опыт рефлексии исторического наследия разного рода деятелями данной эпохи представляет большой интерес для исследователей, но в то же время стоит отметить, что в историографии всегда повышенное внимание уделялось радикальному и чуть в меньшей степени либеральному крылу общественной мысли, тогда как консерваторы интересовали ученых значительно меньше, несмотря на то что их деятельность была не менее важна для понимания происходивших в России событий второй половины XIX – начала XX в. Находясь у трона и стремясь представлять официальную точку зрения, консерваторы оказывали заметное влияние на происходившие в стране процессы, и от осмысления их публицистического наследия не стоит отказываться.

Изучение консервативной мысли эпохи «Великих реформ» в советской историографии практически не проводилось, а те работы, которые выходили, были крайне тенденциозны и априори негативно настроены к ней (см.: [1] и др.). Ситуация меняется в 1990-е гг., когда интерес к консерватизму, вызванный как научными, так и общественно-политическими потребностями, возрос. Именно с этого времени начинаются попытки более объективно отнестись к консерватизму

как явлению и его роли в жизни страны в дореволюционную эпоху. Список авторов и их работ достаточно обширен, среди них следует выделить монографию А.М. Руткевич «Что такое консерватизм?» [2], сборники «Российские консерваторы» [3], «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» [4], «Российский консерватизм в литературе и общественной мысли России XIX в.» [5], «Консерватизм в России и мире» [6], отдельные статьи А.В. Репникова [7] и А.Ю. Минакова [8]. Все эти работы позволяют лучше понять истоки и суть русского консерватизма, определить его психологию, т.е. то, что, в свою очередь, накладывало прямой отпечаток на отношение консервативных публицистов второй половины XIX в. к Великой Французской революции.

Несколько иначе обстояло дело с изучением консервативного движения начала XX в. О феномене черносотенцев писали многие исследователи в разные периоды. Из советских исследований отдельного упоминания заслуживает монография Л.М. Спирина «Крушение помещичьих и буржуазных партий в России» [9], в которой представлен глубокий анализ условий и предпосылок образования черносотенных групп, продемонстрированы причины возникшего в них кризиса и последующего поражения. Отдельно проанализированы отношения черносотенцев и большевиков, даны оценки деятельности правых групп в контексте марксистско-ленинской трактовки.

Годы поздней перестройки ознаменовали собой концептуальные изменения в изучении черной сотни. Это произошло, прежде всего, в результате публикаций документов [10], а также выхода исследований С.А. Степанова [11] и И.В. Омелянчука [12], посвященных различным аспектам деятельности данных формирований. Параллельно с ними стали появляться труды американских русистов, в числе которых стоит выделить исследование У. Лакера [13]. Однако, несмотря на широкий список имен исследователей, в первую очередь их интересовали вопросы либо зарождения правых идей и их социальной базы, либо идеологической повестки движения. В то же время тема упоминания в работах черносотенцев Великой Французской революции остается малоизученной и по сей день, хотя после 1905 г. к ней периодически обращался ряд приверженцев крайне правых идей.

Интерес к Великой Французской революции в России проявился еще в ходе самих ее событий, но вплоть до «Великих реформ» Александра II эта тема фактически находилась под запретом и обращаться к ней в официальных публикациях не представлялось возможным, а именно там печатались консервативные публицисты

XIX в. В годы правления Александра II подобного рода работы начинают появляться, но представителей консервативного крыла общественно-политического движения среди их авторов в силу ряда причин, о которых речь пойдет позже, было немного. В период, последовавший за убийством «народовольцами» царя-реформатора, интерес к данным событиям резко пошел на спад, но в начале XX в. он вновь возрос, в том числе и в среде консерваторов, главенствующее место у которых заняли участники движения черной сотни. Публицисты, представляющие данное движение, в чем-то выступали преемниками более ранних консерваторов, а в некоторых вопросах пошли дальше своих предшественников. На проблеме преемственности и отличиях в обращении к опыту революционной Франции у консервативных публицистов эпохи правления Александра II и эпохи революций мы остановимся в своей статье, целью которой и будет выявление степени этой преемственности.

Мы уже отмечали, что до середины XIX в. данная тема была под фактическим запретом в публичной печати, о чем сетовали даже некоторые консерваторы [14. С. 613]. После того как подобного рода ограничения были сняты, интерес к Великой Французской революции среди публицистов возрос, однако консерваторы по-прежнему неохотно обращались к ее истории. С большой долей вероятности это было связано с тем, что они не желали лишний раз поднимать тему неприятного им события, а также с тем, что, будучи близкими к престолу и преследуя охранительные цели, сторонники данного направления зачастую вообще не видели большого смысла в активной публикационной деятельности, особенно когда речь заходила о каких-то частностях. Поддерживаемые властью, они не стремились доказывать очевидные, как им казалось, вещи.

Однако процессы, происходившие в российском обществе во время правления Александра II, не могли не вынудить представителей консервативной мысли как-то на них реагировать, отвечать своим более активным в этом плане оппонентам. Количество публицистических работ консервативного толка увеличивалось, и порой в них затрагивались события Великой Французской революции. Неудивительно, что, обращаясь к ее опыту, они в первую очередь искали в ней примеры для аргументации своих взглядов на дальнейшее развитие самой России, хотя, конечно же, полностью сводить их только к этому тоже не представляется правильным.

Среди консервативных авторов, уделивших в своих работах место проблематике Великой Французской революции, необходимо прежде всего выделить известного отечественного историка В.И. Герье (1837–1919), взгляды которого Е.С. Кирсанова вполне справедливо, на наш взгляд, характеризует как консервативно-либеральные [15. С. 6–8]. В.И. Герье отметился рядом как публицистических статей по данной теме, среди которых цикл публикаций в «Вестнике Европы» с разбором книг известного французского историка Ипполита Тэна (1828–1893) (подробнее в об этом см.: [16]), так и вполне академических работ, вышедших, правда, преимущественно в следующую эпоху [17–19].

Среди публицистов-консерваторов, затрагивавших в своих работах тему французской революции конца XVIII в., стоит отметить Е.М. Феоктистова (1828–1898) и Н.А. Любимова (1830–1897). Первый из них опубликовал статьи «Уроки истории. Очерки современной Франции» [20] и «По поводу сочинений Ренана и Тэна» [21], а второй – серию статей, посвященных Великой Французской революции, – «Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей», которые он позднее переработал и издал отдельной книгой «Крушение монархии во Франции» [22].

Главной причиной, заставившей российских консерваторов эпохи Александра II все-таки обратиться к опыту Великой Французской революции, стало состояние российского общества периода «Великих реформ». Об этом писали и Е.М. Феоктистов [21. С. 611], и Н.А. Любимов [23. С. 246–247]. Их мало интересовала история революции сама по себе, для них главным было ответить на вопрос, как ее опыт может повлиять на ход современной им отечественной истории. Особенно это было заметно у Е.М. Феоктистова, для которого тематика французской революции была лишь эпизодом, примером, иллюстрирующим его взгляды.

Разумеется, отношение к революции у них было крайне негативным, в ней они видели опасность для российской монархии, активными сторонниками которой являлись. При этом нельзя сказать, что актуальность проблематики затмила собой качество анализа материала. Н.А. Любимов показал серьезную для публициста эрудированность в рассматриваемом вопросе, хорошее знание как источников, так и историографии обозначенной им темы.

Н.А. Любимов, говоря о Великой Французской революции, в первую очередь останавливается на ее целях, которые сужает до чисто властных вопросов. Он пишет: «На всем пути революции задача не во благе, свободе и тому подобных хороших вещах, но в приобретении власти. Власть есть цель, остальное – средство» [Там же. С. 226]. На таком видении целей базируется вся его концепция природы революции во Франции. Особенно ярко это выражено в анализе публицистом идей Ж.Ж. Руссо [14. С. 643–648], в отношении к «Декларации прав человека и гражданина» [Там же. С. 652–653], а также при трактовках тех или иных событий революции, например взятия Бастилии [23. С. 214–223].

Таким образом, необходимо констатировать, что в проблематике Великой Французской революции российских консерваторов той поры в первую очередь интересовали вопросы политические, за рамки которых они старались не выходить, а если и выходили, то все равно так или иначе к ним возвращались. Для них главным было отстоять идеи «особого пути» и несостоятельности планов осуществления либеральных преобразований в российских реалиях, не говоря уже о разного рода революционных идеях.

В начале XX в., с наступлением периода наиболее тяжелых потрясений и социальных катаклизмов, последователями этого течения стали участники движения черной сотни, воплотившего в себе идеи консер-

вативного национализма в его институциональном формате.

Табуированная в годы правления Александра III, при Николае II вновь обостряется полемика вокруг множества спорных и неоднозначных по своей трактовке эпизодов как российской, так и мировой истории. Не оставаясь в стороне от веяний времени, поднимали эту тему и представители консервативного крыла. В своих сочинениях они достаточно тенденциозно высказывались о провозглашении Французской республики, неизменно проводя параллель с событиями в России, современниками которых они являлись. Среди публикаций этого периода можно выделить работы Т.И. Буткевича [24], И. Кронштадтского [25], которые, правило, были адресованы кругу идейных соратников из «уличного звена» черной сотни, что, учитывая социальную базу этого движения, было легко объяснимо.

Чтобы лучше понять настроение и образ мыслей участников черносотенного движения, будет полезным обратиться к понятию «охотнорядничество», получившему название от московского рынка, куда съезжались на ярмарки выходных дней жители небольших окрестных городов и сел. Вынужденные добывать средства к существованию продажей продукции собственного производства за сравнительно небольшие деньги, испытывающие жесткую конкуренцию со стороны таких же лавочников, как и они сами, озлобленные и агрессивные, эти люди были наиболее восприимчивы к различного рода пропагандистским лозунгам популистского содержания. Обещая вернуть утраченные патриархальные нормы и ценности, декларируя приверженность заветам церкви, лидеры черносотенцев находили в этой среде отклик. Такие сельские обыватели, перешедшие в разряд люмпенов, наряду с обанкротившимися дворянами, а также представителями церкви, и составляли социальную базу «Союза русского народа» и других подобных групп. Они не смогли реализовать себя в пореформенный период и, примерив на себя роль социальных аутсайдеров, стали главными приверженцами идеалов консервативной стабильности как высшего общественного блага.

Группу наиболее ревностных приверженцев идей черной сотни, безусловно, составляло духовенство. Неудивительно, что именно православная церковь, являвшаяся оплотом классического русского государства, отводила революции роль наиболее зловещей и близкой для всей христианской цивилизации угрозы. Образ революции французской, воплотившей в себе «все пороки и ужасы революционного безвременья», использовался в этой связи достаточно часто. Одним из последователей идей «разрушающей революции» был протоирей и профессор богословия, член Государственного Совета от белого духовенства Т.И. Буткевич (1854–1925). Уже название его сочинения «Уроки первой французской революции», вышедшего в 1907 г., изначально содержит авторскую оценку событий рубежа XVIII–XIX вв. во Франции. «История Французской революции, – пишет он, – и сама по себе представляет много поучительного в разных отношениях – религиозно-нравственном, политическом, социально-бытовом, психологическом и т.д.» [24. С. 629]. Окон-

чательный вердикт следует далее по тексту: «...в конце XVIII в. у французов происходило то же, что происходит теперь у нас» [Там же. С. 638].

Позиция Т.И. Буткевича практически дублирует точку зрения наиболее авторитетного и почитаемого участника движения черной сотни от духовенства Иоанна Кронштадтского (1829–1908), «вдохновителя создания и почетного члена “Союза русского народа”». В одной из своих работ он пишет: «...доколе в России будет Православная вера и народ будет предан своей вере и Церкви, а следовательно, и престолу и Отечеству, дотоле эти нелепые намерения крамольников не найдут себе в России твердой почвы и не сделают злоумышленники того в России, что сделала некогда во Франции парижская коммуна, ибо Бог нам прибежище и сила» [25. С. 179]. «Спасение России» в этой связи он связывает с Востоком, правопреемником в вопросах веры которого и является Россия: «Мы, русские, приняли святую и непорочную веру от православного Востока, от Церкви греческой, в которой она первоначально была насаждена Самим Христом и апостолами» [Там же. С. 377]. Запад же является живым примером того, к чему могут привести попытки ликвидации монаршей власти и непочтительное отношение к вопросам христианской веры. Фундаментом этого необходимо считать «чрезмерную ученость»: «Что мы хотим сделать из наших юношей? Всезнающих или много знающих ученых мужей? Этого недостаточно, потому что можно весьма много знать, как говорится, проглотить науку, быть весьма ученым человеком и в то же время, увы, быть негодным человеком и вредным членом общества. Разве не учеными, например, были французские коммунисты, олицетворившие в себе в прошлую войну так живо адских фурий?» [Там же. С. 179]. Мотив «всеразрушающего интеллекта», жертвой которого стала революционная Франция, позже был подхвачен все тем же Т.И. Буткевичем. Он упоминал Вольтера в контексте его постоянных глумлений над Библией и подстрекательства к вероотступничеству французского духовенства [24. С. 631], а о Руссо писал не иначе как о французском прообразе Л.Н. Толстого [Там же. С. 634], который к тому времени уже находился в глубокой опале официальной православной церкви.

Консервативно настроенное крыло начала XX в., как видно из упомянутых источников, воспринимало Французскую революцию в качестве «предостережения свыше», знамения, призванного остановить революционные брожения в николаевскую эпоху. Тщеславие, безбожие и гордыня, вызванные полученными знаниями светского, а не религиозного содержания, определяются в качестве главных пороков николаевской России, преодолеть которые необходимо, пока не начались необратимые процессы. В свое время такая ситуация привела к падению многовековой французской монархии, что, по убеждению указанных авторов, и превратило Францию в европейского изгоя, страну, которая одним своим существованием должна призывать революционных радикалов всего мира «одуматься и покаяться»: «В республиках и конституционных государствах властвует не народ, а лишь партии, и при-

том большею частью с помощью предосудительных средств – интриг, подкупа, насилия над другими партиями. Достигнув власти, известная партия тотчас же изменяет, согласно с своею политическою программой, всю систему государственного управления» [24. С. 659].

После отречения Николая II такой подход к трактовке событий Великой Французской революции приобретает формат сбывшегося пророчества и, помимо собственно французского примера, «найдет подтверждение» в других источниках. Один из примеров подобной трактовки – сочинения известного конспиролога-антисемита, влиятельного церковного чиновника Н.Д. Жевахова (1874–1946). В них автор, подхватывая повествовательную линию своих недавних предшественников, многократно ссылается на Иеремию и Иезекииля, в чьих пророчествах видит упоминания революционной смуты. «...революция есть действительно наказание за преступление, но наказание не делателей революции за преступления против народа, а наказание Божие за преступление против заповедей и законов Божьих» [26. С. 15], – поясняет он свое понимание сложившейся в стране ситуации, резюмируя это заявление отсылкой к первоисточнику, способному объяснить все глобальные проблемы: «И где бы мы ни искали причин обрушившегося на Россию великого горя, где бы ни искали следов этих преступлений, какие бы чрезвычайные комиссии ни собирали, в каких бы архивах ни рылись, но найдем мы эти причины только в одном месте – в Библии» [Там же. С. 14–15].

Образ революционной Франции в предреволюционной России можно определить в качестве своеобразного аналога Содомы и Гоморры, пример которых должен стать назидательным в условиях и без того крайне навязчивых эсхатологических настроений николаевской эпохи. Призыв «немедленно одуматься и покаяться» преобладает в этих работах над другими, что в то же время не делает их уникальными в сравнении с сочинениями их идейных союзников из другой социальной среды того же времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что история Великой Французской революции занимала, безусловно, важное место в трудах российских консерваторов, но не играла определяющей роли в их обращении к историческим сюжетам. И представители консерва-

тивного крыла русской общественно-политической мысли второй половины XIX в., и черносотенцы начала XX в. обращались к ней, ища примеры в своей идеологической борьбе, стремились показать пагубность революционных идей для развития государства. Для представителей консервативной публицистики эпохи Александра II главным был политический аспект революции, который привел к изменениям существующего до этого во Франции строя. Ими подчеркивалось, что это крайне негативно сказалось на судьбе Франции, тем самым они проводили параллель с возможными изменениями существующего строя в современной им России и последствиями этих изменений. Черносотенцы, являясь их идейными продолжателями, уже в начале XX в. оценивали Великую Французскую революцию в том же ключе, однако к сугубо политическим вопросам добавляли и иные аспекты поднимаемых им сюжетов, в частности вопрос религиозный, видя в революции не только социально-политическое зло, но и преступление против Бога и его заветов, придавая в итоге ей эсхатологическую окраску и выводя тем самым проблему в иную плоскость. Это было связано с общими идейными установками самих черносотенцев, а также с чаяниями их целевой аудитории, которая активно поддерживала это движение не только словами, но и делами, поднимаясь порой на открытое противостояние с революционерами, в деятельности которых представители данного движения в первую очередь видели западное влияние и противопоставляли ему православие и русские патриархальные ценности.

Подводя итог, необходимо отметить, что и для русских консерваторов второй половины XIX в., и для представителей консервативной мысли начала XX в. обращение к истории Великой Французской революции носило сугубо утилитарный характер. Богатая на события революция во Франции давала им необходимые примеры того, чего делать ни в коем случае нельзя; они подчеркивали, что заимствование ее опыта неминуемо должно повлечь негативные последствия для России. Именно этот вывод должен был сделать читатель, знакомясь с трудами консервативных публицистов той эпохи, ради этого они тратили свое время и силы, осмысливая одно из самых важных событий Нового времени.

Список источников

1. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М. : Наука, 1978. 280 с.
2. Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М.–СПб. : Университетская книга, 1999. 224 с.
3. Российские консерваторы / под ред. А.Н. Боханова. М. : Русский мир, 1997. 382 с.
4. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В.Я. Гросула. М. : Прогресс-традиция, 2000. 439 с.
5. Российский консерватизм в литературе и общественной мысли России XIX в. М. : ИМЛИ РАН, 2003. 221 с.
6. Консерватизм в России и мире : в 3 ч. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004.
7. Репников А.В. Метаморфозы русского консерватизма: от С.С. Уварова до Никиты Михалкова // Отечественная история. 2001. № 3. С. 105–109.
8. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. С. 133–142.
9. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М. : Мысль, 1977. 366 с.
10. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. / введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М. : РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1905–1910 гг. 720 с.
11. Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М. : Росвузнаука, 1992. 329 с.
12. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи. М. : МАУП, 2007. 744 с.
13. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М. : Текст, 1994. 431 с.
14. Кочнев В. (Любимов Н.А.). Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей // Русский вестник. 1880. № 8. С. 612–690.
15. Кирсанова Е.С. Консервативный либерал в русской историографии: жизнь и историческое мировоззрение В.И. Герье. Северск : Изд-во СГТИ, 2003. 210 с.
16. Юшников А.В. В.И. Герье об Ипполите Тэне как историке Великой Французской революции // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. Вып. 28. С. 141–145.

17. Герье В.И. Картина из истории французского террора // Исторический вестник. 1882. № 1. С. 169–194.
18. Герье В.И. Понятие о власти и о народе в наказах 1789 г. М. : Тип. университета, 1884. 143 с.
19. Герье В.И. Лекции по Новой истории, 1900–1901. М., 1901. 445 с.
20. Феоктистов Е.М. Уроки истории. Очерки современной Франции // Русский вестник. 1871. № 9. С. 5–71.
21. Феоктистов Е.М. (Р.). По поводу сочинений Ренана и Тэна // Русский вестник. 1872. № 2. С. 606–623.
22. Любимов Н.А. Крушение монархии во Франции. Очерки и эпизоды первой эпохи Французской революции (1789–1790). М. : Университетская тип., 1893. 657 с.
23. Кочнев В. (Любимов Н.А.). Против течения. Беседы о революции. наброски и очерки в разговорах двух приятелей // Русский вестник. 1880. № 9. С. 206–247.
24. Буткевич Т.М. Верою разумеваем. М. : Ин-т русской цивилизации, 2014. 704 с.
25. Кронштадтский И. Я предвижу восстановление мощной России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. 640 с.
26. Жевахов Н.Д. Воспоминания. М. : Родник, 1993. 41 с.

References

1. Tvardovskaya, V.A. (1978) *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M.N. Katkov i ego izdaniya)* [The ideology of the post-reform autocracy (M.N. Katkov and his publications)]. Moscow: Nauka.
2. Rutkevich, A.M. (1999) *Chto takoe konservatizm?* [What is conservatism?]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
3. Bokhanov, A.N. (ed.) (1997) *Rossiyskie konservatory* [Russian Conservatives]. Moscow: Russkiy mir.
4. Grosul, V.Ya. (ed.) *Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian Conservatism of the 19th Century. Ideology and Practice]. Moscow: Progress-traditsiya.
5. Koksheneva, K.A. (ed.) (2003) *Rossiyskiy konservatizm v literature i obshchestvennoy mysli Rossii XIX v.* [Russian conservatism in the literature and social thought of Russia in the 19th century]. Moscow: IWL RAS.
6. Azizova, E.N. et al. (2004) *Konservatizm v Rossii i mire* [Conservatism in Russia and the World]. Voronezh: Voronezh State University.
7. Repnikov, A.V. (2001) *Metamorfozy russkogo konservatizma: ot S.S. Uvarova do Nikity Mikhalkova* [Metamorphoses of Russian Conservatism: From S.S. Uvarov to Nikita Mikhalkov]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 105–109.
8. Minakov, A.Yu. (2005) *Russkiy konservatizm v sovremennoy rossiyskoy istoriografii: novye podkhody i tendentsii izucheniya* [Russian Conservatism in Contemporary Russian Historiography: New Approaches and Trends in Study]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 133–142.
9. Spirin, L.M. (1977) *Krushenie pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partiy v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.)* [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (early 20th century – 1920)]. Moscow: Mysl'.
10. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1998) *Pravye partii. Dokumenty i materialy: v 2 t.* [Right Parties. Documents and Materials]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
11. Stepanov, S.A. (1992) *Chernaya sotnya v Rossii (1905–1914 gg.)* [Black Hundred in Russia (1905–1914)]. Moscow: Rosvuznauka.
12. Omelyanchuk, I.V. (2007) *Chernosotennoe dvizhenie v Rossiyskoy imperii* [Black Hundred Movement in the Russian Empire]. Moscow: MAUP.
13. Laker, W. (1994) *Chernaya sotnya. Proiskhozhdenie russkogo fashizma* [Black Hundred. The Origin of Russian Fascism]. Moscow: Tekst.
14. Kochnev, V. (Lyubimov, N.A.). (1880) *Protiv techeniya. Besedy o revolyutsii. Nabroski i ocherki v razgovorakh dvukh priyateley* [Against the stream. Conversations about the revolution. Sketches and essays in the conversations of two friends]. *Russkiy vestnik*. 8. pp. 612–690.
15. Kirsanova, E.S. (2003) *Konservativnyy liberal v russkoy istoriografii: zhizn' i istoricheskoe mirovozzrenie V.I. Ger'e* [A conservative liberal in Russian historiography: the life and historical outlook of V.I. Guerrier]. Seversk: SSTI.
16. Yushnikov, A.V. (2007) *V.I. Ger'e ob Ippolite Tene kak istorike Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii* [W.D. Guerrier about Hippolyte Taine as a historian of the Great French Revolution]. In: *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and Historiographical Issues of History]. Vol. 28. Tomsk: Tomsk State University. pp. 141–145.
17. Guerrier, W.D. (1882) *Kartina iz istorii frantsuzskogo terrora* [A picture from the history of French terror]. *Istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 169–194.
18. Guerrier, W.D. (1884) *Ponyatie o vlasti i o narode v nakazakh 1789 g.* [The concept of power and the people in the orders of 1789]. Moscow: Tip. Universiteta.
19. Guerrier, W.D. (1901) *Lektsii po Novoy istorii, 1900–1901* [Lectures on Modern History, 1900–1901]. Moscow: [s.n.].
20. Feoktistov, E.M. (1871) *Uroki istorii. Ocherki sovremennoy Frantsii* [History lessons. Essays on modern France]. *Russkiy vestnik*. 9. pp. 5–71.
21. Feoktistov, E.M. (R.). (1872) *Po povodu sochineniy Renana i Tena* [Regarding the writings of Renan and Taine]. *Russkiy vestnik*. 2. pp. 606–623.
22. Lyubimov, N.A. (1893) *Krushenie monarkhii vo Frantsii. Ocherki i epizody pervoy epokhi Frantsuzskoy revolyutsii (1789–1790)* [The collapse of the monarchy in France. Essays and episodes of the first era of the French Revolution (1789–1790)]. Moscow: Universitetskaya tip.
23. Kochnev, V. (Lyubimov, N.A.). (1880) *Protiv techeniya. Besedy o revolyutsii. Nabroski i ocherki v razgovorakh dvukh priyateley* [Against the stream. Conversations about the revolution. Sketches and essays in the conversations of two friends]. *Russkiy vestnik*. 9. pp. 206–247.
24. Butkevich, T.M. (2014) *Veroyu razumevaem* [We understand by faith]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
25. Kronshtadtskiy, I. (2012) *Ya predvizhu vosstanovlenie moshchnoy Rossii* [I foresee the restoration of a powerful Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
26. Zhevakhov, N.D. (1993) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Rodnik.

Сведения об авторах:

Ковалев Алексей Юрьевич – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: akovalev1988@list.ru

Юшников Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: musaklio1980@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alexey Iu. Kovalev – Postgraduate Student, Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akovalev1988@list.ru

Alexander V. Yushnikov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of the Ancient World, the Middle Ages and Methodology of History of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: musaklio1980@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.10.2020; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 27.10.2020; accepted for publication 07.09.2022